

Сибирский марафон

Завершился X Международный Рождественский фестиваль искусств

Евгения КРИВИЦКАЯ

Три недели декабря вместили 230 мероприятий – спектаклей, выставок, концертов, киносеансов: такую невероятную цифру озвучил министр культуры Новосибирской области Василий Кузин со сцены Концертного зала имени А. М. Каца. На долю филармонии выпали не только программы для новосибирцев, но и проведение концертов в 25 районах Новосибирской области.

Важно, разумеется, не только количество, но и качество событий. Открыл музыкальную часть фестиваля Михаил Плетнев, завершил – Борис Березовский. Пианисты-гранды привезли в Сибирь эксклюзивные программы, обделив пока столичных слушателей.

В филармонии рассказали, что Плетнев поразил всех, выбрав рояль Steinway 1967 года выпуска – инструмент, который для концертов обычно не используется. Ацуши Комияма, главный настройщик японской фирмы Kawai, целый день готовил инструмент для встречи с выдающимся пианистом. Прозвучали Концерты Моцарта и Гайдна – последний, в числе избранных счастливчиков, довелось слышать ровно год назад на закрытом вечере в ГМИИ имени Пушкина. А вот два Концерта Моцарта – «белый» до-мажорный (K-246) и сумеречный, драматичный до-минорный (K-491) – было бы услышать любопытно.

Но – пришлось выбирать, и удалось лично побывать только на финальной части фестиваля, длившегося без малого целый месяц. Выступление

Дмитрия Хворостовского принесло разочарование: обещанные арии из опер в первом отделении «по ходу» формирования фестиваля, похоже, потерялись, и остались одни советские песни. Против «золотой» отечественной эстрады, разумеется, никаких возражений быть не может при условии, что поют с душой и находят в каждой песне особую интонацию – Блантер, Френкель и другие «титаны» той эпохи были замечательными мелодистами. Но тут все звучало одинаково, да и микрофонное пение оперного артиста, находящегося в зените карьеры, вызывало недоумение. Сопровождал певца Симфонический оркестр Новосибирской филармонии под управлением Константина Орбеляна – постоянного концертного партнера Хворостовского: показалось, что оркестр чувствовал себя не слишком комфортно в данном репертуаре, привыкнув к концептуальным симфоническим полотнам.

В последний вечер вернулись в традиционный формат, если такое определение можно использовать в отношении к Борису Березовскому. Нет, внешне он всегда сдержан и академичен, но вот в игре частенько стремится выйти за общепринятые рамки. Первое отделение в Концертном зале имени А. М. Каца пианист играл соло, выбрав сочинения Дебюсси и Рахманинова, двух современников-антиподов.

Французская музыка, которую Березовский столь обильно исполнял год назад в Екатеринбурге на вновь созданном им фестивале, оказалась близка

сущностным чертам его исполнительского стиля: приверженностью к длительному использованию нюанса *ritardando*, к прозрачному, безупречно выровненному перлу, которое, скажем, не всегда уместно у Бетховена или Листа, но точно хорошо для Дебюсси. Упомянем и склонность к экспромтам, спонтанным интерпретаторским решениям – все это совместимо с эстетикой Дебюсси, создававшего по сути один интертекст – многослойный, насыщенный аллюзиями и предчувствиями многих идей в XX веке. Трактовки Березовского высвечивают детали музыкального ландшафта и позволяют явственно расслышать в «Движениях» отголоски «Русского танца» из «Петрушки» Стравинского, а в «Менестрелях» – как и задумывалось автором – блюзовую основу.

Несмотря на «негромкое» высказывание, звучание рояля абсолютно наполнило зал. На вопрос, какие ощущения были во время исполнения, Березовский искренне признался: «Отличные! Замечательная акустика». Что подтверждает старую истину: сколько людей – столько мнений. И дискуссия о качествах нового новосибирского зала может еще «обрасти» суждениями *pro et contra*.

Прелюдии Рахманинова стали в каком-то смысле продолжением импрессионистской линии: рояль зазвучал объемнее, сочнее, но Березовский по-прежнему избегал форсировать звук, контролировал эмоции, отдавая все внимание колористическим эффектам. Вторая соната Рахманинова, завершившая первое отделение, запомнилась ясной драматургией, точным соотношением драматических и лирических тем. Внимание слушателей было полностью захвачено, и казалось, что не может существовать какой-то иной интерпретации – критерий очевидной исполнительской победы артиста.

В Четвертом концерте Бетховена к пианисту присоединился Камерный оркестр Новосибирской филармонии

с Алимом Шахмаметьевым за пультом. Произведение, часто звучащее как исповедь, здесь обрело вполне земную витальность и парадоксальную оптимистичность, а некоторые страницы заставили вспомнить о театральном Бетховене: его музыку к «Эгмонту» и даже «тюремные сцены» в «Фиделио» (подробнее о трактовке Четвертого концерта – в интервью с Борисом Березовским на стр.!!).

В качестве постскриптума к фестивалю прошло гастрольное выступление скрипача и дирижера Антона Мартынова, нашего соотечественника, ныне живущего во Франции. Эта программа с сюрпризами и мистификациями хорошо вписалась в праздничную предновогоднюю тематику. Например, ее первая часть могла бы носить отдельное название, условно говоря: «Вивальди навсегда»: рядом с аутентичными опусами итальянского классика звучали апокрифы – Концерты современного автора Федерико Марии Сарделли и самого

Антон Мартынов. Влюбленные в Вивальди (как, к примеру, Леонид Десятников – в Генделя), они бросили к его пьедесталу свои таланты, вжившись в ментальность и музыкальный язык своего кумира. Правда, если музыка Сарделли – основателя ансамбля старинной музыки *Modo Antiquo* – воспринималась скорее как следование формальной схеме, то у Мартынова получилось поинтереснее, с большей фантазией в мелодико-гармонических оборотах. Несмотря на едкое замечание Игоря Стравинского, что Вивальди сочинял всю жизнь один бесконечный концерт, в реальности каждое сочинение имеет свои индивидуальные особенности. Только за общим драйвом их нужно расслышать и «вкусно» подать, что вполне удалось сделать Мартынову в Концертах для скрипки «рыжего аббата». Выступив тут и как солист, и как дирижер, гость из Франции повел за собой Камерный оркестр Новосибирской филармонии, пока только осваивающий принципы аутентичного исполнительства композиторов XVIII века. Так что общение с маэстро, имеющим богатый опыт сотрудничества с разными европейскими барочными коллективами и музыкантами (в том числе с Марком Минковским, Филиппом Эррвегом и другими) – только на пользу.

После внушительной дозы барокко Камерная симфония Барбера (транскрипция Квартета, сделанная А. Мартыновым) стала переходом в иную систему координат, где сталкиваются жесткость, дисгармоничность современного мира и тоска по идеальному прошлому – то самое Адажио, принесшее своему автору мировую славу.

Путешествие по эпохам и странам продолжилось в «Бразильской сюите» Антонио Сантаны, композитора так же почитавшего ритмы тан-

го, как и Пьяццолла. Здесь на сцене «материализовался» любимец новосибирской публики, виолончелист Марк Дробинский (Франция), замечательно «вписавшийся» в фантазмагорический контекст программы. В сумеречной «Ностальжи» виолончель вела диалог со струнными, вслушиваясь в тревожный «шум времени». А вот сочные нотки и вальяжная манера Дробинского пришлось как нельзя кстати к «Lamento». Вечер завершился «Биографической увертюрой» «Ivry» – попури из любимых классических мелодий от Баха до наших дней, написанного Мартыновым по случаю недавнего 90-летнего юбилея легендарного скрипача Иври Гитлиса.

Концерт состоялся дважды, в том числе на площадке в Академгородке Новосибирска – зале, который давно нуждается в концептуальном ребрендинге. Ведь подобные изыски, какие мы услышали в этой необычной разностильной программе, требуют хорошей акустики. Тогда можно оценить все богатство тембров струнного оркестра и его амплитуду, от «белого» безвibrатного звука до опьяняюще-чувственного, как требовалось в «Бразильской сюите». В Доме ученых, увы, слушатели должны скорее догадываться об этих нюансах, так что проблемы концертных залов Новосибирска – третьего по численности населения города России – ждут своего решения, быть может, уже при новом губернаторе.

